

Волн шелкóвая ласка,
 изгиб берегов
 в прихотливом согласье
 со стихами Рембо.
 ...Накануне по книге,
 открыв наугад,
 загадала: чем путь мой
 интересен, богат?
 Где речную низину
 летний дождик пролил,
 там простушку-ундину
 мне поэт посулил.
 Место фантасмагорий,
 небывальщину, бред,
 время диких историй
 и вино на обед.
 И обещано также
 Артюром Рембо
 мне виденье светящихся
 из глубин черепов,
 в толще времени скрытых,
 в непроглядности вод.
 ...Ну и где то корыто?
 Ах, пардон, теплоход?
 Вот и убран за мною,
 припоздавшей, трап.
 Ширится за спиною
 многоводье. И так —

безмятежно болтали,
 попивая вино,
 ввечеру танцевали,
 и тогда всё равно
 было — впрямь эстетично,
 смотрит ли кто...
 Ветер, дождик? Отлично.
 Далеко и легко.
 Прочь, попса, мы из джаза.
 Загремел «Бони М»
 и с окрестным пейзажем
 не вязался совсем.
 Мы на баке курили,
 пропуская обед,
 анекдоты травили
 и о том говорили,
 что вообще смерти нет.
 Но беззвучное пела,
 еле-еле видна,
 народясь, розовела
 и вздымалась луна.
 Повзрослев, затвердела,
 налилась золотьем,
 реки тёмное тело
 заткала канителью —
 золотистым шитьём
 да под нежным дождём...
 Впрочем, я не о том.

2.

*Из этих четырёх нелепых дней
я долго, очень долго возвращалась...
Земля, как ей положено, вращалась,
Земля плыла,
а я плыла по ней.*

*Вода нас не качала в этот раз.
Река была спокойна и просторна,
тиха, ленива... Оттого престранно
то было,
что творилось в нас.*

*Большое русское мерси, месье Рембо!
Травинкою заложена страница.
Случилось то, чему судьба случиться,
но всё осталось так,
как быть должно.*

*Была ундина. Ей-же-ей — была!
Волна волос до пояса и — голос.
Певица, ни о чём не беспокоясь,
все ноты в тихий час перебрала
в соседней зафрахтованной каюте,
в уединении, стесненье и уюте.*

*...И стало ясно мне про черепа,
когда мы шли каналом знаменитым.
Сколько костей и по сей день зарыто
по берегам, где валов череда?
На много-много километров этот вал.
Скольких собрал он, кто без сил упал...*

*Народ купается, валяется в траве,
и машут детки всем на корабле.
Канал — гигантская ты братская могила.
А мы о том не знаем?
Мы забыли...*

*Вода сверкает и слезит глаза.
За гвалтом еле слышны голоса:
«Мы здесь навеки, с вами, навсегда...»*

*А я молчу,
в мурашках, как вода.*

*Руки озябшей не согреть лучу.
Жгу зажигалку, будто бы свечу.
А в шлюзы опускаясь — не согреться
ничем. Тоска и лёг
до сердца.*

3.

*На верхней палубе нагменно загорали,
на нижней суетился персонал,
на средней — мы курили и болтали,
и за бокалом следовал бокал.
Тащились яхточки в фарватере неспешно,
за теплоходом еле паруся.
Яхтсмены, развалившись и разнежась,
жевали молча. Ели порося.
На нас глазели, а потом отстали.
Свернули к пирсу
и свернули паруса.
И сразу же невидимыми стали,
как перестали радовать глаза.*

4.

*Из этих четырёх безумных дней
удастся ли когда-нибудь вернуться,
чтоб, вспомнив о поездке, улыбнуться,
махнуть рукой и вновь забыть о ней?
Что в небесах в те дни произошло —
какой-то слом, какой-то сбой астрала,
и на двоих такая жуть напала,
такое наваждение нашло...
Всё можно просто объяснить, конечно:
мол, в отпуске, хи-хи, как на войне.
Но с этим — не к тебе и не ко мне.
Так неожиданно, свирепо и безгрешно
нас бросит на невидимой волне,
что каждый час за год сойдёт вполне.*

Войдёшь — и кожей ощутишь: он здесь.
Глазами поведёшь — да, точно, есть.
И сразу он — у моего плеча.
Волна стремительна, туга и горяча.
А комната, набитая людьми, —
пустой колодец.
Вот ведь, чёрт возьми...
Брожу по набережной в милом городке.
Гудок — услышу. Дело не в гудке.
Гоню себя (ещё полно минут!),
а угаляться — ноги не идут.
Я вижу издали, что палуба пуста.
Ломаю нервно веточки с куста.
Пора! Вернулась в напускной обиде
и слышу: «Я был здесь.
И я всё видел».

Я танцевала не с тобой — с дождём,
ему в ночи распахивала руки,
его прикосновения и звуки
ловила. Ты дождём был ограждён.
А после, оглушённый и немой,
сидел, как манекен, аж до рассвета
один на мокрой палубе. Как мету,
в себе мучительно вынашивал поэта,
кровь в жилах замещая — мной.
Фантасмагории предсказанной добыча —
утрата груза всех прожитых лет.
Десятилетий не было и нет.
Что делать с этим?
Странно. Необычно.

По берегам — всё ёлки да берёзы.
Как с мелкой грозью справиться в руках?
Понятно, что неловко быть тверёзым,
когда луну корёжит в облаках.
Ах, мелочи — неловкости и страхи.
А дальше? Дальше будем просто жить.
Ей-богу, я рвану твою рубаху,
чтоб было что для памяти зашить!

*Мы возвращаемся. Речной, столица снова.
В глаза друг другу страшно заглянуть.
У нас громада десяти минут.
И ничего не сказано.
Ни слова.*

*До сердечного спазма —
ничего-то не сказано...*

5.

*— О, здравствуйте! Спасибо за звонок.
Почти здоров. И — нет, не одинок:
работа есть, и скоро еду к детям.
Вот расписание изучаю, поезда...
(Тук-тук в груди...)
А я ведь чуть не помер здесь тогда.
Приехал — пусто и темно на свете.
От тишины кладбищенской такой
хоть волком вой, хоть улетай в запой.
Я лёг и умер.
А потом секрет
твой вспомнил: ты сказала — смерти нет.*

*...Куда попала я, в какие сети,
с таким-то множеством путей на свете?
Рембо, что это было? Утоли!
Я книгу открываю:
«Колеи».*

